

Первым порывом Янь Цзиньчэна было смущение, но оно мгновенно сменилось вспышкой глухого раздражения в духе: «Ты совсем страх потерял, что ли?». Практически на автомате он согнул палец и со всей дури отвесил Цзян Ли щелбан по щеке, после чего процедил:

— Подраться захотел?

С силой он немного не рассчитал — на светлой коже Цзян Ли тут же проступил отчетливый красный след.

Цзян Ли на секунду затаил дыхание и резко повернул голову.

Внезапная вспышка гнева, казалось, испарилась через кончики пальцев вместе с этим щелчком. Глядя в шокированные глаза Цзян Ли, Янь Цзиньчэн неловко кашлянул и, пытаясь загладить вину, слегка провел ладонью по его щеке.

— Ты хоть понимаешь, что будь на твоём месте кто-то другой, он бы уже головой пол считал? — Цзян Ли сжал челюсти, и в его голосе явственно послышалась едва сдерживаемая ярость.

— Ну так сбей.

Янь Цзиньчэн прекрасно понимал, что сейчас не лучший момент лезть на рожон: в отдельном кабинете они находились не одни, и если разгорится настоящий конфликт, устраивать драку в публичном месте будет крайней степенью бескультурия.

Но слова вылетали сами собой, бровь так и норовила подскочить в дерзком вызове — безумно хотелось посмотреть, как Цзян Ли окончательно потеряет контроль.

Словно бесы попутали.

Янь Цзиньчэн глубоко вздохнул.

—... Я, блядь, тебя загрызть готов, — на середине вдоха донеслось до него процеженное сквозь зубы шипение.

Было видно, что у Цзян Ли действительно чешутся зубы — он аж желваками заиграл от досады.

Цзян Ли и впрямь был взбешен.

Вот только этот гнев отличался от той злости, какую вызывал Ван Янь. Если присмотреться, это напоминало детскую обиду, когда родственники допытываются у ребенка, кого он любит больше — маму или папу. Ты искренне и громко отвечаешь, что обоих, а взрослые взрываются

хохотом и продолжают заставлять выбрать кого-то одного. И тебе ничего не остается, кроме как сжать кулаки и в бессилии топать ногами.

Вся скучная чаша терпения, отпущенная Цзян Ли на эту жизнь, петляла исключительно вокруг Янь Цзиньчэна. В обычной жизни на любое раздражение у него имелся надежный ресурс и уверенность в решении проблемы, но перед Янь Цзиньчэном он впервые почувствовал себя абсолютно беспомощным.

Врезать хочется, а рука не поднимается.

Заругать — так тот переспорит...

Проще и вправду загрызть.

— Дружище, ты вообще-то первый на меня наехал, забыл? — у Янь Цзиньчэна почему-то резко поднялось настроение, и губы тронула легкая усмешка. — Подумаешь, щелкнул один раз.

— Я вообще... — Цзян Ли хотел было возразить, но осекся, вспомнил что-то, и в его взгляде мелькнуло явное замешательство. — Я не люблю, когда ко мне прикасаются. Особенно когда я в бешенстве.

— А бесишься из-за чего? — спросил Янь Цзиньчэн.

— Еще не придумал, как тебе объяснить, — честно признался Цзян Ли.

— Вот как? — Янь Цзиньчэн почесал висок. — Если ты ждешь от меня доверия, ничего при этом не объясняя...

— Если я тебе противен, мог бы хоть попытаться узнать, что я за человек! — пылко перебил его Цзян Ли, явно недовольный тем, к чему идет разговор. — Я не стану делать дряни.

Янь Цзиньчэн смотрел на Цзян Ли, сохраняя прежнюю позу, но вдруг почувствовал, как в руках и ногах появилась странная легкость.

Будто кто-то невидимый слегка задел струну у него в голове, и ее глухая вибрация отозвалась в связках. Он услышал собственный тихий голос:

— А кто сказал, что ты мне противен?

— А? — Цзян Ли опешил. — Разве... нет?

— Просто слегка бесишь, — Янь Цзиньчэн усмехнулся, возвращая себе привычный тон. — Думаю, людей, которых ты бесишь, вокруг предостаточно.

— Это да, — великодушно кивнул Цзян Ли.

— Так что одним больше, одним меньше — экая невидаль, — Янь Цзиньчэн прокашлялся и отвернулся к столу.

— Янь Цзиньчэн, — снова невпопад окликнул его Цзян Ли.

— Да что опять-то? — поморщился тот.

— Пропусти в понедельник линейку с поднятием флага, — Цзян Ли уткнулся носом чуть ли не в самую пиалу с супом. — Перетереть кое-что надо.

Янь Цзиньчэн повернулся и посмотрел на него:

— Насчет тебя?

— Насчет всех нас!!

Этот вопль вместе с куриным бульоном влетел прямо в пищевод Цзян Ли, отчего тот зашелся в диком кашле, едва не выронив ложку.

Янь Цзиньчэн поднял глаза. Сидевший напротив Юань Лэй, неизвестно где накачавшийся пафосным праведным гневом, как раз толкал пламенную речь:

— Мы не позволим всякой дряни одержать верх! Наш долг — защищать одноклассников и восстанавливать справедливость!

— Мы не имеем права быть равнодушными наблюдателями! Гнев храбреца... — Юань Лэй выпятил грудь и вдруг осекся: сразу видно, цитату он благополучно забыл.

Он быстро покосился на сидевшего рядом Тан Юаня, толкнул его локтем в бок и шепотом спросил:

—... Обнажает?

— «Гнев сильного обнажает клинок против сильнейшего; гнев труса — против еще более слабого», — с каменным лицом подсказал Тан Юань.

Юань Лэй моментально подхватил упущенную волну пафоса:

— Вот! Мы должны гневаться!!

Янь Цзиньчэн потер бровь, не в силах сдержать смех.

Иногда ему безумно хотелось поменять Юань Лэя и Тан Юаня местами. Хотя оба временами тупели так, будто были братьями-близнецами, в абсолютном большинстве случаев Юань Лэй уверенно удерживал пальму первенства.

Янь Цзиньчэн часто ловил себя на мысли, что те моменты, когда у Юань Лэя напрочь отключался мозг, уходили на оплату его невероятного везения. Иначе как объяснишь, что тот умудрился набрать минимальный балл по английскому, наугад тыкнув нужные варианты в тесте, и вопреки всему пролезть в Первую среднюю школу Ияна?

Впрочем, был у него один неоспоримый плюс: пока рядом обретался этот кадр, жизнь становилась куда веселее и проще.

— Что скажешь, Брат Янь? — Юань Лэй звонко щелкнул языком.

— Ладно, — кивнул Янь Цзиньчэн. — Гневайся.

За столом Юань Лэй вдоль и поперёк обсмаковал гнусные выходки Ван Яня. В сочетании с теми подробностями, что знал Ли Юньчэн, история вызвала у всех присутствующих лютую ненависть к этому типу.

Даже Чжилинь и Ван Сяо, которые уже собирались уходить, задержались, чтобы заочно выразить свое возмущение.

Всеобщее бурление продолжалось до самого конца обеда. Под занавес компания единогласно постановила создать «Группу защиты Цзи Цзясиня» и взять его безопасность под особый контроль.

Быстро закинув участников в новый чат, парни попрощались. Перед уходом Цзян Ли успел спросить Янь Цзиньчэна, не подвезти ли его, однако под угрожающими взглядами своих друзей со вздохом поплелся к их затянутым в стильный шлем электроскутерам и уселся на заднее сиденье.

— Брат Янь, вы с Цзян Ли что, помирились? — Юань Лэй натянул свой, как ему казалось, невероятно крутой шлем, но из-за опущенного забрала плохо слышал ответ, поэтому тут же откинул его назад: — А?

— Что «а»? Я еще даже рот открыть не успел, — Янь Цзиньчэн слегка хлопнул его по защитному пластику.

Юань Лэй повернул голову:

— Ну так говори!

— А мы разве ссорились, чувак? — Янь Цзиньчэн бессильно вздохнул.

— А то нет! Когда он указывал тебе уступить дорогу, материл и нарывался, когда вы хотели друг друга в мешок засунуть и отбукать, когда записки с требованиями свалить писал? — Юань Лэй фыркнул. — Ты с каких пор такой шелковый стал?

— Ты вообще дулля отстреливаешь, что такое «разойтись»? — Янь Цзиньчэн посмотрел на него через зеркало заднего вида как на конченого идиота. — Это когда люди понимают, что им не о чем говорить, устраивают дикую ругань и больше знать друг друга не хотят. Понял?

— А то, что у вас с Цзян Ли сейчас — это как называется, если не примирение? — уперся Юань Лэй.

— Ну... — Янь Цзиньчэн задумался на секунду. — Максимум лед тронулся.

— А-а. — Юань Лэй отвернулся и с понимающим видом захлопнул забрало.

Однако не успел Янь Цзиньчэн перекинуть ногу и усесться поудобнее, как Юань Лэй снова резко задрал пластик, обернулся и с глубочайшей обидой в голосе вылил на него:

— С кем это у тебя тут нет общего языка, а?!

Янь Цзиньчэн только зубами скрипнул от раздражения. Не долго думая, он заехал ладонью по этой конструкции, звонко щелкнув забралом обратно:

— Вали давай.

В утро понедельника Янь Цзиньчэн верен был себе: перешагнул порог класса ровно со звонком. Цзи Цзясинь уже сидел на месте, уткнувшись носом в пробные варианты и что-то судорожно строча.

Едва Янь Цзиньчэн подошел к парте, Цзи Цзясинь вскинул голову и торопливо подвинулся, освобождая проход:

— Утро.

Янь Цзиньчэн сначала швырнул рюкзак на столешницу, а затем одним широким шагом

перемахнул через скамью. Опустившись на место, он слегка прижал Цзи Цзясиня за плечо, заставляя того сесть обратно.

Только закончив движение, он вспомнил, что у парня могут еще болеть травмы. Окинув его взглядом, Янь Цзиньчэн спросил:

— Задел? Не больно?

Перо Цзи Цзясиня на мгновение замерло. Услышав вопрос, он быстро закрутил головой:

— Нет-нет, все в порядке! Пару дней отлежался, уже почти зажило.

— А с Ван Янем вы после того случая виделись один на один? — продолжил допрос Янь Цзиньчэн.

Цзи Цзясинь ненадолго задумался и качнул головой:

— Ни разу. Каждый раз рядом был либо кто-то из учителей, либо его предки.

Янь Цзиньчэн нахмурился:

— А твои где были?

— Я им ничего не сказал, — Цзи Цзясинь отложил ручку и повернулся к соседу. В его взгляде проскользнула тоскливая безнадега. — Отец на стройке вкалывает, ему вырваться оттуда — целая проблема. Мать тоже с работы просто так не отпустят. К тому же я цел, да еще и двадцатку тысяч сверху дали. Выходит... я вроде как еще и в плюсе...

— Даже не думай говорить, что ты на этом заработал, — Янь Цзиньчэн вьелся взглядом в его лицо. — Такие вещи не компенсируются деньгами, Цзи Цзясинь.

Цзи Цзясинь впервые слышал, чтобы тот называл его по имени и фамилии — чеканно, с какой-то суровой, предостерегающей интонацией, мгновенно сбивающей любую попытку утешать себя иллюзиями.

Ему вдруг стало невыразимо стыдно. И не потому, что его слова оспорили, а из-за собственной трусости.

Ведь у него не хватило духу рявкнуть в лицо тем, кто убеждал его, будто произошедшее — лишь невинная детская шалость, потерявшая границы. Не хватило смелости объяснить им, что у такой гнуса есть вполне конкретное название, и это вовсе не «дружеская стычка». У него не хватило сил признаться родителям во время их редких, полных заботы звонков, какому унижению он здесь подвергается. Черт, да он даже во время той вспышки гнева не посмел швырнуть стул прямо в обидчика!

Только он один знал: когда он заносил тот стул, он в последний миг изменил траекторию. Иначе деревянная ножка не попала бы так точно Янь Цзиньчэну прямо в локтевой сгиб.

Он просто испугался.

— Янь Цзиньчэн, прости меня, а? — Цзи Цзясинь уткнулся взглядом в парту. — Сам знаю, что я никчемность. Беспольный кусок грязи.

— Да что ты вечно извиняешься-то? — Янь Цзиньчэн тяжело вздохнул.

На самом деле он отлично понимал причины такого выбора. У Цзи Цзясиня, в отличие от того же Цзян Ли, за спиной не стояла семья, способная решить любой вопрос. Единственным шансом вырваться из этого ада для него оставался выпускной экзамен. Ему приходилось зубами выгрызать эти баллы, чтобы уехать как можно дальше и оставить все произошедшее здесь глубоко в прошлом.

Но глядя на его сгорбленную спину, на едва заметные следы от ссадин, Янь Цзиньчэн невольно вспомнил слова, которые бросил ему Цзян Ли в тот день.

* «Если он не даст сдачи, то до конца дней проживет в тени этого дерьма»*

До конца дней.

Их парта стояла у самого окна, куда прямиком захлестывал утренний свет. Мягкое утреннее солнце полосой ложилось на столешницу, касаясь запястья Янь Цзиньчэна.

Он никогда в жизни не чувствовал, чтобы кровь в жилах кипела так жарко.

Посмотрев на Цзи Цзясиня, чьи пальцы тоже судорожно сжимали солнечное пятнышко, Янь Цзиньчэн внезапно протянул руку и уверенно обнял его за плечо.

— Цзи Цзясинь, — на этот раз его голос звучал куда мягче и теплее. — Если тебе помогут... Без всякого мордобития.

Ты примешь эту помощь?

<http://bllate.org/book/20112/1993397>